

(РАЗСКАЗЪ).

Одного изъ нихъ звали Пляши-нога, другого—Уповающій. Пляши-нога говорилъ про себя, что онъ донской казакъ, и былъ высокъ ростомъ, худъ и сутулъ. Нѣкогда онъ переломилъ себѣ берцовую кость лѣвой ноги, она ерослась и стала почему-то длиннѣе правой; это обстоятельство заставляло его при ходьбѣ перегибаться вправо для того, чтобы закинуть свою правую ногу впередъ, отчего его походка былъ какой-то пляшущей,—и отсюда странное и смѣльное прозвище Пляши-нога. Уповающій былъ, якобы, безсрочно отпускнуой рядовой какого-то резервнаго батальона, а до солдатства числился мѣщаниномъ города Углича, и былъ коренастъ, широкоплечъ и несокрушимо веселъ. Лицо у него было красное, бритое, полное, съ прямыми рыжими, щетинистыми усами и съ толстой нижней губой, всегда оттянутой книзу, съ добродушной улыбкой голубыхъ глазъ, живо блестѣвшихъ изъ-подъ густыхъ, рыжихъ бровей; вообще оно составляло прямой контрастъ съ длиннымъ, сухимъ и рябымъ лицомъ Пляши-ноги, скрывавшемся въ густой, черной съ просѣдью бородѣ, изъ которой темно-сѣрые глаза смотрѣли недовольно и холодно. Уповающій ходилъ, засунувъ руки въ карманы солдатскихъ грязно-зеленыхъ штановъ, и сѣрая рваная шинель висѣла на его широкихъ плечахъ ловко и крѣпко, а Пляши-нога руками на ходу сильно махалъ и полы его хохлаткой свитки всегда летали вокругъ его длинной фигуры, какъ черныя изломанныя крылья, а чумацкіе шаровары на лѣвой ногѣ вѣѣзжали чуть не до колѣна, а на другой—почти скрывали ступню. Уповающій аккуратно гдѣ-то добывалъ себѣ старья чиновничьи, студенческія и офицерскія фуражки и всегда отрывалъ у нихъ козырьки, и его гладкій лобъ постоянно былъ закрытъ какимъ-либо околышемъ, а Пляши-нога и зимой, и лѣтомъ ходилъ въ чумацкой бараньей шапкѣ, сдвинутой на затылокъ; изъ-подъ нея во все стороны торчали пряди черныхъ, жесткихъ волосъ, и его рябой и изрытый глубокими морщинами лобъ былъ выпуклъ, высокъ и черенъ отъ зазара. На пространствѣ отъ Богомиргорода до Бобринца и отъ Бобринца до Александріи о друзьяхъ казака о самыхъ ловкихъ и смѣлѣйшихъ воровъ, о воровскихъ шокрадахъ, и ненавидѣли, и боялись, и терпѣли и всегда, и въ войскахъ, и въ деревняхъ, и въ городахъ давали имъ такую и такую награду, пока онѣ были живы, а когда умирали, то похоронили ихъ съ почтенными и

— Опять, чертъ ее... Говориль я тебѣ, заведемъ стаканчикъ... пятачекъ

— Встрѣтилъ я въ Тульскомъ по-
селкѣ Митьку Ситникова...—задумчиво
заговорилъ Пляши-нога, глядя въ небо.—
Умеръ отецъ-то у него. Все хозяйство
и деньги Митькѣ пошли... Н-ну. Знаешь
ты Митьку? Что за человекъ? Гадина,
жаба мокрая. И дуракъ, и лѣнтяй, и
болванъ. А вотъ теперь первый чело-
вѣкъ въ волости... Тысячи имѣеть.
Н-ну, разсуди, за что ему дались
тысячи? Али онъ таланный какой, али
что? Мразъ въдь. И вотъ, не шевель-
нулъ пальцемъ—и имѣеть все. Въдь
развѣ это его! Нѣтъ, отцово. Отецъ

нажилъ. Такъ при чемъ онъ-то, — Митька? Вотъ, поди ты, какой порядокъ! Одинъ всю жизнь бьется, — ни кола, ни двора, другой ничего не дѣлаетъ, да больше всѣхъ получилъ...

— Того... чего-то... Не пойму я, къ чему ты, напримѣръ, клонишь. — напряженно вглядываясь въ товарища, сказалъ Уповающій. Въ гости къ нему, что-ли думаешь? а? ей-Богу, вотъ-бы ужъ!....

— Ничего я не хочу... А вотъ, вижу порядокъ неправильный и говорю... Не за што Митькѣ богатѣе давать, ну и...

— Чудакъ! чай, онъ сынъ отцу-то... Одна кровь! — засмѣялся — Уповающій. Куда-жъ бы это дѣвать Степану, кабы не Митька?

— Куда? мало-ли куда!

— Н-да... — сказалъ Уповающій. — Оно конечно... Но только всякому свое дите ближе... надо это помнить!

Пляши-нога не отвѣтилъ товарищу.

— Да мы что? — снова началъ онъ, — помолчавъ. — Наплевать! — онъ плюнулъ и пожалъ плечами. — До меня вѣдь это никакого касательства не имѣетъ... Я человѣкъ отшибленный, къ этому самому крестьянству неспособный. И не терплю я крестьянъ. Что за народъ? Жадный, робкій, сидитъ себѣ въ избѣ, какъ жаба въ болотѣ, и никакого въ немъ интересу нѣтъ. Стекло бутылочное и то блеститъ, ежели его на солнце положить... а эти черти — что? Гнилье вонючее... А то про Бога разсуждать начнутъ... бѣги вонъ! Говорить, говорить, а самъ не понимаетъ ни полъ-вершка во всей верстѣ. А все-таки, какъ онъ, крестьянинъ, ни плохъ, а наровитъ на нашемъ братѣ проѣхаться... И разговоръ у него съ нами этакій... важный... съ усмѣшкой. Дескать, ты де голъ и босъ, а у моего дѣда былъ навозу возъ, такъ на него три года дулъ вѣтеръ, и то не разнесъ! Собственники!... Не ходи черезъ его землю, — на сапогъ пристанетъ, всю съ собой унесешь, дыра бездонная останется... Зачѣмъ только живутъ люди! Бѣда! хоть-бы я вотъ: не могу я ни во что впрягать себя, ни въ какой хомутъ не влѣзу. А оно можетъ нужно-бы мнѣ. Потому дума меня больно разбѣдаетъ. Кабы вотъ ее извести... Выжечь, примѣрно-бы... вытравить... А то ѣсть, ѣсть, какъ ржа желѣзо, и никакого порядку въ душѣ нѣтъ. Туманъ какъ-бы, примѣрно. И все бугры, да рытвины.

— Завелъ-бы ты себѣ, Сеня, этакую ба-абу! Разлюбезное дѣло!... ей-Богу? Она-бы тебя ахъ, какъ разожгла! то есть до пылъ — пепла свела-бы всю твою тоску-думу. Ей-Богу!

— Ба-абу? — передразнилъ Пляши-нога товарища. — Вѣдь и скажешь-же У человѣка и то на душѣ камень, а ты ему взвали другой!.. Чучело!

— Эхъ, братокъ! Зачѣмъ камень? Ты такую найди бабу, чтобы была какъ пухъ-перышко... — сладко улыба-

ясь, посовѣтовалъ Уповающій и вкусно почмокалъ губами, какъ-бы смакуя нѣкоторое воспоминаніе. — Я тебѣ, Сеня, скажу, была у меня единожды... — началъ было онъ, по Пляши-нога, не слушая его, заговорилъ самъ:

— Живучи въ Царицынѣ, имѣлъ я канитель съ казачкой одной. Здоровая такая, румяная, смиренная... Каткой звали. Бывало бѣжишь къ ней — дрожь беретъ, видѣть хочешь. Потомъ, какъ нацѣлуешься вволю, тошно станеть. Смотришь — лежитъ она, спитъ, толстая, ротъ разинула, храпитъ... Думаешь про себя: чего въ ней? Овца!.. противно станеть... Тѣфу!

— Вонъ какъ ты!.. задумчиво протянулъ Уповающій. — Вкусу, значить, у тебя не хватаетъ на это. А вотъ я...

— Чепуха все! — вдругъ ожесточился Пляши-нога, махнулъ рукой и, повернувшись къ Уповающему задомъ, замолчалъ.

Уповающій зналъ, что приставать въ такія минуты къ товарищу не безопасно, но въ тоже время не любилъ видѣть его такимъ тоскующимъ, инстинктивно чувствуя, что въ этомъ настроеніи Пляши-нога далеко отъ него и что оба они чужды другъ другу. Поэтому онъ подумалъ немного, вдругъ просвѣтлѣлъ и, всхлопнувъ руками, крикнулъ:

— Вотъ такъ штука! Сеня?!

— Ну? — не оборачиваясь спросилъ Пляши-нога.

— Ахъ ты, пострѣлитъ тѣ горой! а? какъ это я могъ забыть?

— Что?

— Да вѣдь ты пойми, душа моя, тонка-дурочка, Кириленковъ то конь здѣсь! ей-Богу!

— Плети больше! — презрительно сплюнулъ Пляши-нога.

— Тресни моя утроба! не видать мнѣ своихъ рукъ!.. — клялся Уповающій.

— Чай, поди-ка за Дунай его увели давно! — тихо проговорилъ Пляши-нога. Эхъ, коникъ былъ! сколько я его выслѣживалъ!.. не повезло!

— Право, ей-Богу, здѣсь! — перекрасили его въ карую масть и вчера вечеромъ провели на хуторъ къ Лаврушкѣ цѣловальнику. Кажись, Сашка Бобринцевскій вель-то. Я лежу около дороги подъ грушами — вышпимни былъ я — и смотрю: ведутъ коня... Что за конь? чей! огненный конь. Стати знакомыя, а масть другая... Потомъ я, надо думать, заснулъ, да вотъ и заспалъ до сей поры. Какъ не пьянъ былъ, присмотрѣлся-бы къ пахамъ-то, чай, поди вытерлась краска, стальную-то шерсть и видно...

— Показалось тебѣ съ пьяныхъ глазъ... — съ сомнѣніемъ произнесъ Пляши-нога.

— Другъ! скажи, какія по симъ мѣстамъ лошади намъ неизвѣстны? всѣхъ знаемъ, а это чужая... Кириленковъ конь, умру на мѣстѣ, коли

не его! — утверждалъ Уповающій, болѣе приходя въ ражъ.

— Ну, что-жъ ты думаешь? — не чавъ, спросилъ Пляши-нога.

— Такого коня надо свести ашломбомъ рѣшилъ Уповающій.

— Ну, и сведемъ!

— Сегодня ночью надо...

— Свѣтло будетъ...

— Авось нѣтъ... на счастье. Кстати, захватимъ и Лаврушкину ру. Битюгу я сейчасъ знаю мѣсто. Исайка возьметъ, а Башкирку заки сгонимъ. Идетъ? а, Сеня?

— Ладно... я хоть сейчасъ...

Уповающій засмѣялся:

— Вотъ тоску-то свою и разеешь... Эхма! вотъ такъ штука буда а Лаврушка-то? прррр!.. фу-у? взовьется! ахъ ты, чортъ!...

— Этого Лаврушку кровопивца давно-бы надо пощупать. Большой на него имѣю...

— А что, развѣ онъ тебя избѣжитъ?

— Нѣтъ, такъ ужъ. Не по онъ мнѣ. Увижу я это его лысеющую голову за стойкой, такъ мнѣ хочется ахнутъ по ней батогами, смолой-бы помазать, да сжечь. А вотъ-бы славно! Затрещалъ-бы, какъ паукъ жирный!...

— Ишь-ты какой! Я такъ и не мнѣ онъ, Лаврушка, нравится. дительный, душевный человѣкъ, а не чего... Многие хуже гораздо есть.

— Ты-бы и шелъ къ нимъ и сводить. А то идешь къ душному человѣку...

— Да у нихъ, братъ, нѣтъ лоса, а то-бы я... а у Лаврушки. Вотъ развѣ у Захарченка... воронкой важнецкій...

— Ну, Захарченка не трогай, человѣкъ хороший... Мишка его — а самъ онъ...

— Захарченко-то старый ужъ тоже сказалъ! ей-Богу! село его ненавидитъ, а ты говоришь, хорошъ! всѣхъ на зубокъ беретъ, чортъ, со всѣми спорить. громада-то хуже его свое дѣло знаетъ, чего-же онъ въ начальники претъ?

— Молчи! много ты понимаешь скептически сказалъ Пляши-нога.

— Да тебя, Семенъ, и пощипать нельзя. Чего ты все на роженъ, который человѣкъ къ людямъ масти, вотъ тебѣ и любъ. И вѣдь тебя шиворотъ на выворотъ! о, надо думать, тоска-то тебя и ей-Богу!..

Друзья замолчали. Жарко. Камыши все шелестѣли... Пляши-нога снова сталъ похожъ на Уповающій легъ рядомъ съ нимъ возился немного, почесался, и заснулъ.

(Продолженіе будетъ).

М. Го

ДРУЗЬЯ.

(РАЗСКАЗЪ).*)

II.

Хуторъ цѣловальника Лаврушки стоялъ на краю извилистой балки задрами къ ней и лицомъ въ степь. Его окружало кольцо ветель, изъ-за которыхъ къ небу поднимались два колодезныхъ журавли, и во всѣ стороны отъ этихъ признаковъ обитаемости тянулась печальная, однообразная стена, казавшаяся безграничной и похожей на застывшее и окаменѣлое море отъ волнообразныхъ, неглубокихъ и извилистыхъ балокъ, разбѣянныхъ по ней. Все вмѣстѣ — хуторскія постройки, ветлы и журавли — казалось совершенно ненужнымъ въ степи, обнятой ночной тьмою, ненужнымъ и нарушавшимъ пустынную гармонию молчаливой и темной широкой степи и окутаннаго густыми облаками неба надъ нею. Если бы эту картину переложить въ звуки, то получилось-бы безконечное умирающее *pianissimo*, разрываемое одной густой октавой, взятой *forte*...

Пляши-нога и Уповающій лежали на двѣ балки въ глубокой ямѣ. На двѣ ея росъ густой бурьянъ, и въ немъ было-бы не видно друзей, если-бы даже смотрѣть на дно ямы съ края ея.

— Ахъ ты, Господи! Какъ же мнѣ курить хочется, ей-Богу! — прошепталъ Уповающій.

— Еще чего... сурово отвѣтилъ Пляши-нога.

— Не сердись... удачи не будетъ... И почему это, Сеня, всегда хочется того, чего нельзя? а?

— По глупости... По жадности...

— А пожалуй что... ей-Богу! Можетъ пора ужъ намъ?

— Айда!..

Они поднялись на ноги. Ихъ подбородки были въ уровень съ дномъ балки. Ничего не было видно и всюду было жутко-тихо. Тогда Уповающій согнулся и уперся руками въ свои колѣна, и Пляши-нога быстро выскочилъ изъ ямы, легъ на землю и вытаскилъ друга.

— Спать крѣпко, видно. Чай, подка, выпили добре для ради воскресенья... шепталъ Уповающій, вползая вслѣдъ за другимъ по скату балки. — Мы какъ — колоду дверей вынемъ, али замки долой?

— Тамъ увидимъ... Ты-ли не скулилъ лучше...

Согнувшись и шаркаясь по сторо-

намъ, оба они, какъ двѣ большія жабы, двигались по землѣ. Такъ прошли огородъ и остановились у каменной стѣны, передъ которой была сложена куча навоза.

— Вотъ она! — шепнулъ Уповающій.

— А собака какъ? — спросилъ Пляши-нога.

— Двѣ-то я того... давеча далъ имъ. А этой, большой, нѣтъ, — она съ пастухомъ ушла... Ну, идемъ, что-ли?

— Идемъ...

Они завернули за уголъ. Уповающій досталъ откуда-то изъ своей шинели короткій толстый ломъ, а Пляши-нога нѣчто вродѣ большого долота.

— Вотъ она, дверь... Здоровая, чортъ! Э-э-э!.. Вотъ такъ штука!.. отперто! ей-Богу! Сеня, и везетъ-же намъ!..

— Молчи, чертова кукла!.. Можетъ, тамъ спитъ кто...

— И то вѣдь... Ахъ ты, въ ротъ-те...

Пляши-нога немного пріотворилъ дверь, и сталъ слушать... Къ лошадиному сапу примѣшивалось еще что-то, и чуткое ухо конокрада быстро различило, что это дыханіе спящаго человека... кажется, двухъ. Онъ тихонько сообщилъ объ открытіи Уповающему. Тотъ тяжело вздохнулъ и сталъ держать свои усы, оглядываясь кругомъ. Саженьхъ въ двадцати, противъ конюшни стоялъ „рабочій домъ“, настолько-же влѣво — рига, дальше — низенькій, длинный овечій отарникъ. Было тихо... Вдругъ звонко заржалъ конь. Пляши-нога встрепенулся и бросился къ двери. Уповающій рванулъ его назадъ, съ изумленіемъ глядя ему въ лицо.

— Что ты, что ты, Сеня! На смерть вѣдь идешь...

— Кириленковъ... вѣрно! Онъ!.. Слышу, онъ!..

Пляши-нога весь трясся отъ возбужденія, полымемъ охватившаго его. Онъ страшно оскалилъ зубы и, наклонясь къ двери, съ широкой улыбкой слушалъ сонный сапъ и фырканье лошади, а потомъ, сбросивъ съ плеча свитку, сталъ засучивать рукава рубахи, помахивая своей желѣзницей.

— Сеня, куда ты, братъ? Брось! Вѣдь люди тамъ!.. ей-Богу! — шепталъ Уповающій, дергавъ его то тутъ, то тамъ.

— Пускай! Достану!.. шепталъ Пляши-нога. Онъ тихонько потянулъ дверь, но она отворилась только на четверть. Оказалось, что за ея скобу изнутри привязанъ ремень, задѣтый за что то. — Дай пожъ! шепнулъ онъ.

— На! Только какъ хошь, а я... уйду! Вѣдь на смерть это...

— Иди! — махнулъ рукой Пляши-нога и взмахомъ ножа разсѣкъ ремень. Дверь отворилась настежь. Уповающій

горошкомъ откатился въ сторону. Его товарищъ вытянулся во весь ростъ на порогѣ конюшни, съ ножомъ въ одной рукѣ и съ желѣзницей въ другой, и глубоко втянулъ въ себя ноздри и ртомъ воздухъ, густо насыщенный теплыми испареніями навоза и потомъ лошадей, запахомъ прѣлой кожи и дегтя... Онъ ждалъ. Лошади спокойно фыркали и топали ногами. Человѣческій храпъ не прекращался. Тогда конокрадъ смѣло, впередъ грудью, шагнулъ въ конюшню. Лошади еще безпокойнѣй зафыркали и затопали ногами. Пляши-нога снова остановился, весь дрожа и съсжимаясь. Въ трехъ шагахъ отъ него вырисовывался изъ тьмы темный кругъ лошади, а дальше блестѣли во тьмѣ два крупные глаза. Лошадь прислушивалась и взглядывалась...

— Казакъ!... Казаченька!... простирая впередъ лѣвую руку, прошепталъ Пляши-нога.

Конь ласково и тихо заржалъ... Пляши-нога дрогнулъ, ахнулъ и бросился впередъ, въ стойло. Въ секунду онъ перерѣзалъ поводъ, обнялъ морду лошади и поцѣловалъ ее. Она покорно лизала его лицо шероховатымъ, теплымъ языкомъ, пока онъ велъ ее къ двери. Въ дверяхъ стоялъ, съсжимавшись какъ кошка, готовая прыгнуть, Уповающій и нюхалъ, громко втягивая носомъ воздухъ.

— Не боюсь! — шепнулъ онъ на встрѣчу сіявшему товарищу. Водкой разить здорово! Погоди, и я выведу... Привяжи его, да помоги-ка... А что? Конекъ-то!.. Вѣрно я сказалъ?...

— Тпру-тпру! — ласково шепнулъ въ ухо лошади Пляши-нога, заматывая поводъ за скобу двери и почесывая шею лошади, скосившей на него глаза.

— Мужикъ съ бабой спятъ... пьянехонькіе!.. шепталъ изъ конюшни Уповающій. Я мазницу нашелъ... Оболую дегтемъ ихъ, дьяволовъ! ей-Богу же оболую!

Минуты черезъ двѣ у двери конюшни стояли три лошади и около нихъ суетились друзья. Пляши-нога взнуздывалъ Казака, шепча ему ласковыя слова и дуя въ ноздри, а Уповающій, кинувъ свою шинель на спину мохнатой башкирки, хлопоталъ около толстетаго, флегматичнаго битюга.

— Айда! скомандовалъ Пляши-нога, взлетая на лошадь.

— Пошли! — отвѣтилъ Уповающій и, держа битюга на поводу, проворно осѣдлалъ башкирку.

Они тихо и осторожно проѣхали огородомъ, спустились въ балку и, покруживъ степной цѣлиной, выбрались на узкую дорогу.

— Скачем!—сказалъ Пляши-нога.

— Погоди!—поровнялся съ нимъ Уповающій. Намъ надо бы къ утру, а то къ полдню хоть показаться въ селѣ, чтобы на насъ не думали. Ты какъ?

— Я прямо въ Балту поѣду!..

— Другъ! Что ты? мимо желѣзной дороги? такую даль! Развѣ можно?.. Къ Исачкѣ сведемъ, а потомъ назадъ, пятнадцать верстъ всего....

— Зачѣмъ мнѣ назадъ?—задумчиво говорилъ Пляши-нога, похлопывая коня по шеѣ и почесывая ему между ушей.

— Да вѣдь улика! коли тебя нѣтъ, лошадей нѣтъ,—значить....

— А мнѣ наплевать!—махнулъ рукой Пляши-нога.

— А накроютъ? а изувѣчатъ?..

— Ну!... и Пляши-нога сардонически свистнулъ.

— Ахъ ты, Господи! Вотъ несручный человѣкъ! Ничего-то онъ не можетъ порядочно сдѣлать!... Съ тоской воскликнулъ Уповающій. Сень! Сведемъ къ Исачкѣ, ради Господа! Послушай чай меня! а? Вѣдь это что-же?

— Ну, да чортъ съ тобой? Ну, къ Исачкѣ! А назадъ я не ворочусь, буду сидѣть съ конемъ... У Исачки буду, пока конь тамъ будетъ....

— Ну, вотъ! радостно сказалъ Уповающій. Айда!.. и они поскакали степью. Было темно и тихо. Топотъ трехъ коней звучно плылъ по степи къ небу, закрытому тяжелыми облаками, изъ которыхъ уже начинали падать крупныя, пока еще рѣдкія, капли дождя. Гдѣ-то далеко рѣзаль воздухъ тонкій, печальный свистокъ локомотива....

— Сень! дождь сейчасъ пряснетъ! Вотъ такъ славно—Николавна! ей-Богу! Слѣды то смоетъ... а, Сень?

Пляши-нога не отвѣчалъ. Онъ скакалъ впереди товарища. Склонясь къ шеѣ коня, обнявъ ее одной рукой, онъ прижалъ къ ней свою щеку и, держа поводъ въ другой рукѣ, говорилъ не то коню, не то Уповающему.

— Ишь, выкрасили коня... изувѣры! Я два года за нимъ ходилъ! Го-го!.. Помнишь меня! Въ Тавріи-то ты былъ, а? краса-авецъ мой!.. Два мѣсяца въ неволѣ былъ у нѣмца изъ за тебя.... Казачина!... Гопъ—гопъ!.. Яковъ, ахъ, и радъ я!.. Будто съ любовницей... съ другомъ-товарищемъ встрѣтился... право!

Конь встряхивалъ ушами, взмахивалъ гривой и тихонько ржалъ, какъ бы понимая ласковую рѣчь. Онъ шелъ крупной рысью, свободно и легко вскидывая тонкія, стройныя ноги, и весело взмахивалъ хвостомъ. Ему все хотѣлось пойти вскачь, и онъ то и дѣло порывался впередъ широкой грудью и задорно фыркалъ, нервно встряхивая

ушами: но Пляши-нога сдерживалъ его. Тогда на моментъ конь сбивался съ рыси и, ловко перебравъ пружинными ногами, снова ровно бралъ его пространство, покачивая на своемъ хребтѣ высокаго всадника въ заломленной на бекрень мохнатой бараньей шапкѣ, прильнувшего къ его шеѣ. Дождь усиливался. Капли падали чаще, и вся степь заговорила глухимъ дробнымъ звукомъ, который какъ будто торопился рассказать что-то и, все усиливаясь, превращался въ неразборчивый, тоскливый и недовольный ропотъ. Далеко гдѣ-то рычалъ громъ и небо порой вспыхивало голубоватымъ пламенемъ. Но все было какъ-то слабо и изнеможенно, кромѣ коней и двухъ оживленныхъ удачей всадниковъ.

— Идетъ дождичекъ! Лупить, батюшка! Чешетъ, миленькій!—балагурилъ во тьмѣ, становившейся все гуще, Уповающій. Отъ этой тьмы широкое пространство степи все суживалось, наполняясь ею, и вокругъ друзей образовалась какъ-бы черная яма, покрытая облаками. Она тоже подвигалась вмѣстѣ съ ними впередъ, но была такъ мрачна и узка, что, казалось, двое друзей никогда не выйдутъ изъ ея неосвязаемыхъ стѣнъ... Вѣтеръ раздувалъ полы свитки Пляши-ноги, и это давало его коню черныя крылья. А всадникъ все говорилъ ему въ ухо ласковыя рѣчи:

— Развѣ на такомъ конѣ толстому сквалыгѣ нѣмцу гарцовать?.. онъ и ѣздить-то не умѣетъ, кромѣ, какъ шагомъ... жирный боровъ! еще разъ я видѣлъ, онъ коня хлыстомъ огрѣлъ... я-бы ему за это далъ!.. да руки связаны были. Яша, помнишь нѣмца на этомъ Казакѣ? Ахъ, чортъ силъ! какъ-бы лягушка на соколѣ... Эхъ, я тебѣ найду хозяина!.. Ого-го-го!.. родной мой! Ого-го-гей!.. О-гей! и Пляши-нога кричалъ и чмокалъ губами, все похлопывая коня по шеѣ.

— Пріѣхали, Сень! прискакали! наддай рыси, другъ!—кричалъ Уповающій.

— Гей-гей!.. отвѣтилъ его другъ и пустилъ поводья. Конь рванулся впередъ бѣшенымъ карьеромъ.—Я ему найду хозяина... красавца... какъ онъ же... румына... Самъ... отведу... за Дунай... кричалъ коню Пляши-нога, подпрыгивая на его хребтѣ и играя его гривой. И, все болѣе возбуждаясь, конокрадь кричалъ, свисталъ и вѣлъ, поощряя бѣшено скакавшего коня. Дождь лилъ цѣлыми струями... кругомъ надъ землей ничего не было, кромѣ этихъ струй и всадника, скакавшего среди нихъ. Уповающій остался далеко назади и топотъ его

коней замиралъ въ монотонный дождя... Вдали замигалъ огонекъ, быстро мчался на встрѣчу, вотъ, пролетая мимо него, стали блестѣть брилліанты за нихъ, наконецъ, вырисовался бугоръ, въ срединѣ сверкало освѣщенное окно, нога соскочилъ съ коня, стѣну ногой, одновременно кулакомъ въ раму и крикнулъ:

— Отпирай!

— И кто-о?—флегматично изъ-за окна.

— Я—Семень!

— Гшарасшо!.. Исъ конемъ изъ окна высунулась рыжая голова въ ермолкѣ и съ дородой. Отведи коня, и захватное крыльцо... О!.. Этого Адонай! Еще за вчерашній проводилъ я Оцепенко! И былъ украденный, и теперь украденный! Мозе его и завтра уворуютъ? Ф-фэ!.. и еврей, еще высывался изъ шапки, вслѣдъ коню, котораго увидѣлъ Пляши-нога.

Опять послышался топотъ Еврей насторожился:

— Еще кони!.. Н-но?!

— Исачикъ!... оралъ Уповающій. Растопыряй карманы, я шапками въ нихъ и вѣду!

— Ага-га!.. Яковъ-Яша!.. обрадовался еврей. Онъ исчезъ изъ окна и въ ту же минуту былъ около Уповающаго.

— Цы это? Н-но?!.. О-гей! Пхе!.. бѣдный Оцепенко!—отряса, потирая руки и оглядываясь.

Уповающій встряхивался какъ мокрая собака.

— Ловко обдѣлали дѣла!.. а? Исачка? Молодцы мы? а?

— Т-гэ!.. Это-же вся губа есть!—пожалъ плечами еврей.

— Ну, то-то вотъ! Такъ ствуй-же! А вино въ корѣ! Уповающій похлопалъ его по плечу.

— Все будетъ сейчасъ!.. дуть дальше.... на Балту! Павло! Герцеку! Одѣвайтесь! И ѣхать нужно!..

— Да иди ты сюда, дай! Ъсть хочу! раздался возбужденный крикъ Пляши-ноги.

— А сейчасъ!—отвѣтилъ Пляши-нога, вошелъ съ Уповающимъ въ вагонъ.

Дождь лилъ на корчму, капая въ ведра... Это былъ крупный, монотонный дождь, безъ перерыва, и въ звукъ его падали вало что-то жалкое...

(Продолженіе будующаго)

ФЕЛЬЕТОНЪ. ДРУЗЬЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

(Окончаніе).

— Ты меня пусти лучше, Семенъ... у меня семья, хозяйство... Я вижу, куда ты гнешь... Не по... христиански это... Я тебя не трогалъ... А ежели Яковъ... такъ вѣдь все равно... не нынче—завтра... не мы,—другіе. А ты тоже... ударилъ меня. Вотъ какъ! Гирька была у тебя въ рукѣ, не иначе... Али можно гирькой?

— Нѣмой!—дернулъ Пляши-нога па-стуха.—Это видишь? онъ показалъ на Уповающаго.—Ну, это вотъ они сдѣлали. За это ихъ надо въ каторгу. И тебя, дуракъ, съ ними... Понялъ. Скотъ... вошь безсловесный... Ну! вяжи этого, а потомъ этого!.. Не надо! не тронь... придутъ другіе, развяжутъ Пора-бы-ужь имъ и итти, али трусятъ? Ну, Василий Лукичъ, и ты, Мишка.... до пріятнаго свиданія!.. въ судѣ! Вы будете съ почетной стражей, съ саблями тамъ, а я про васъ разсказывать стану... Хорошо буду говорить,—заслушаетесь меня! А нѣмой мнѣ поможетъ... Потомъ вспоминать обо мнѣ, да объ Яковѣ... На каторгу васъ отправятъ... Богъ дастъ. А то въ тюрьму... и это ничего... Раззоръ, братцы мои, будетъ вамъ... гибелью погибнете!... И семьямъ погибель... Эхма! Лежи, Яша, полеживай! поскрипятъ за тебя зубами живые люди, человѣкъ съ пятокъ... Вы! сколько васъ было? а? Не говорите, не надо! Все узнается.. все! лежи, спи крѣпко, Яковъ! Ну, нѣмой, идемъ къ уряднику... ну... ну... вотъ... пуговицы, погоны, сабля... Эге, эге! понятливый ты и здоровый. Хорошій каторжникъ будешь... да, да!... Казна будетъ довольна!

Нѣмой мычалъ, улыбался и, плача, добродушно трясъ за плечи Пляши-ногу. Онъ понималъ, что человѣкъ, котораго онъ искалъ, чтобъ свести къ уряднику, самъ, безъ понужденія, идетъ съ нимъ туда. И онъ, потрясенный происшедшимъ и испуганный трупомъ Якова, радовался тому, что устроилъ все такъ мирно и легко съ этимъ че-

ловѣкомъ, нѣкогда воровавшимъ у него лошадей и нынѣ пойманнымъ имъ такъ просто... А Захарченко и Жуковъ, подавленные жестокимъ планомъ Пляши-ноги, глупо смотрѣли въ землю и молчали, растративъ всю свою энергію на убійство. Пляши-нога оскалилъ зубы волчьей улыбкой. Шапка у него была сдвинута на затылокъ, и лицо, разбитое кулаками Захарченка, все опухло и въ крови. Онъ былъ страшенъ, и отъ его возбужденія вѣяло ледянымъ холодомъ. Въ блескѣ его суровыхъ глазъ сверкала несокрушимая рѣшимость... И они, чувствуя это, были безсильны противъ него, холоднаго, спокойнаго, котораго они незадолго передъ тѣмъ собрались погубить и который теперь губилъ ихъ. Пляши-нога чувствовалъ себя властелиномъ положенія и наслаждался, молча разглядывая ихъ. Село было въ верстѣ отъ мѣста дѣйствія. Оттуда ясно долетали разные звуки, но они не приближались...

— Четвертый, который улепетнулъ, кто былъ? Егорка твой, что-ли? Ну, ну, молчи... Узнаемъ кто и безъ тебя! Эхма! добрые вы люди, все будетъ намъ извѣстно!.. Палачи... Ну... что же? Идите теперь куда охота... Докажи у меня есть! Пляши-нога хлопнулъ нѣмого по плечу.

Тотъ добродушно замычалъ и взялъ Пляши-ногу подъ руку, боязливо взглянувъ на трупъ.

— Ишь, ластится! Думаетъ, онъ тутъ правъ... Скотина дурная... Ну, такъ вали, ребята, къ женамъ... въ послѣдній разъ! А завтра—приготовьтесь на казенную квартиру переѣзжать. Да смотрите, не удавитесь за ночь-то который! Не обижайте меня... Больно мнѣ охота посмотреть на васъ въ арестантскихъ халатахъ! Айда по домамъ, ребятишки! До скорого!.. и снявъ шапку, онъ взглянулъ на Уповающаго, перекрестился и, низко опустивъ голову, пошелъ было въ сторону, противоположную селу. Нѣмой остановился и потащилъ его назадъ.

— Чего? Дура!.. Въ волость идемъ... къ становому. Чортъ! Это еще лучше... Понялъ? Не этоть...—Пляши-нога показалъ размѣры человѣка и указалъ рукой сторону, гдѣ онъ жилъ... А другой, вотъ такой... съ бородой... кото-

рый тамъ!.. Ну вотъ, понялъ, чортъ дикій? То-то... Рѣпа дряблая!

Нѣмой дѣйствительно понялъ и даже показалъ руками, да утверждающими и отрицающими кивками головы, что первый хуже второго, а второй выше ростомъ, грознѣй и важнѣй.

— Ну, ну! Это самое. А въ село я теперь не пойду, дудочки! Тамъ убьютъ и меня... разума-то, чай, хватить на это. Ну, прощай, Яковъ! Лежи!.. Я ужъ справлю, что общалъ. Самъ сгину, а все сдѣлаю какъ надо... Такъ-то! Веселый ты былъ человѣкъ...

Четверо людей пошли по дну балки въ разные стороны, въ одну—двое и въ другую—двое. Пляши-нога шелъ и все говорилъ о Яковѣ Уповающемъ, о своей мести и о палачахъ... Нѣмой мычалъ и тихо улыбался, идя съ нимъ подъ руку. Захарченко и Жуковъ шли медленно, еле переступая ногами. Они старались быть какъ можно ближе другъ къ другу и, толкая одинъ другого локтями и плечами, молчали, упорно не поднимая глазъ отъ земли. Теперь эти двое убійцъ были просто жалкими, безпомощными людьми, раздавленными страхомъ за свое будущее...

Ночь крѣпла. Выходила луна. Въ степи было тихо, въ балкѣ еще тише. Яковъ Уповающій смирно лежалъ съ веревкой на шеѣ подъ карявой ветлой, и лучи луны, уже проникшіе на дно балки, горѣли въ осколкахъ стекла бутылки, изъ которой онъ попилъ водки въ послѣдній разъ. Изломанный, исковерканный, мертвый Яковъ былъ въ полной симметріи съ уродливой и тоже мертвой ветлой, распростершей надъ нимъ свои голые и согнутые сучья. Вѣтеръ дунулъ вдоль по балкѣ, и старыя деревья печально и тихо зашумѣли...

Пляши-нога сдержалъ свое слово. Судили глухонѣмого, Очепенко, старшаго Жукова и Гирко. Перваго и послѣдняго оправдали. Очепенко отправился въ Сибирь съ старшимъ Жуковымъ, но во время слѣдствія онъ раззорился на подарки нужнымъ людямъ до того, что не могъ даже заплатить адвокату, и его защищалъ казенный защитникъ. Захарченко удавился въ ночь передъ арестомъ. Младшій Жуковъ умеръ въ тюрьмѣ отъ тифа.

Во время производства слѣдствія по дѣлу о убійствѣ Якова Иванова Таковского, судебный слѣдователь, со словъ Очепенко, возбудилъ было другое слѣдствіе по подозрѣнію Семена Николаева Сучкова въ кражѣ лошадей у Лаврентія Захарова Очепенко, но Пляши-нога выставилъ трехъ свидѣтелей, вполне доказавшихъ его alibi въ ночь кражи.

М. Горькій.

